
А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров
Под общей редакцией: В. Э. Вацуро (редактор тома), Н. К. Гея, С. А.
Макашина, А. С. Мясникова, В. Н. Орлова
М., "Художественная литература", 1980
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnl@lib.ru

А. С. Грибоедов, знаменитый автор комедии "Горе от ума", служил в продолжение довольно долгого времени при А. П. Ермолове, который любил его, как сына. Оценивая литературные дарования Грибоедова, но находя в нем недостаток способностей для служебной деятельности или, вернее, слишком малое усердие и нелюбовь к служебным делам, Ермолов давал ему продолжительные отпуска, что, как известно, он не любил делать относительно чиновников, не лишенных дарования и рвения. Вскоре после события 14 декабря Ермолов получил высочайшее повеление арестовать Грибоедова и, захватив все его бумаги, доставить с курьером в Петербург; это повеление настигло Ермолова во время следования его с отрядом из Червлёной в Грозную. Ермолов, желая спасти Грибоедова, дал ему время и возможность уничтожить многое, что могло более или менее подвергнуть его беде. Ермолов, Вельяминов, Грибоедов и известный шелковод А. Ф. Ребров находились в середине декабря 1825 года в Екатеринодаре; {1} отобедав у Ермолова, для которого, равно как и для Вельяминова, была отведена квартира в доме казачьего полковника, они сели за карточный стол. Грибоедов, идя рядом с Ребровым к столу, сказал ему: "В настоящую минуту идет в Петербурге страшная поножовщина"; это крайне встревожило Реброва, который рассказал это Ермолову лишь два года спустя. Ермолов, отправляя обвиненного с преданным ему фельдъегерем в Петербург, простер свою заботливость о Грибоедове до того, что приказал фельдъегерю остановиться на некоторое время в Владикавказе, где надлежало захватить два чемодана, принадлежавшие автору "Горя от ума". Фельдъегерь получил строгое приказание дать Грибоедову возможность и время, разобрав заключавшиеся в них бумаги, уничтожить все то, что могло послужить к его обвинению. Это приказание было в точности исполнено, и Грибоедов подвергся в Петербурге лишь непродолжительному заключению. Все подробности были мне сообщены Талызиным, Митенкой, самим фельдъегерем и некоторыми другими лицами. Грибоедов, предупрежденный обо всем адъютантом Ермолова Талызиным, сжег все бумаги подозрительного содержания. Спустя несколько часов послан был в его квартиру подполковник Мищенко для произведения обыска и арестования Грибоедова, но он, исполняя второе, нашел лишь грудку золы, свидетельствующую о том, что Грибоедов принял все необходимые для своего спасения меры. Ермолов простер свою, можно сказать отеческую, заботливость о Грибоедове до того, что ходатайствовал о нем у военного министра Татищева. После непродолжительного содержания в Петербурге, в Главном штабе, Грибоедов был выпущен, награжден чином и вновь прислан на Кавказ. С этого времени в Грибоедове, которого мы до того времени любили как острого, благородного и талантливого товарища, совершилась неимоверная перемена. Заглушив в своем сердце чувство признательности к своему благодетелю Ермолову, он, казалось, дал в Петербурге обет содействовать правительству к отысканию средств для обвинения сего достойного мужа, навлекшего на себя ненависть нового государя. Не довольствуясь сочинением приказов и частных писем для Паскевича (в чем я имею самые неопровержимые доказательства), он слишком коротко сблизился с Ванькой-Каином {2}, т. е. Каргановым, который сочинял самые подлые доносы на Ермолова. Паскевич, в глазах которого Грибоедов обнаруживал много столь недостойного усердия, ходатайствовал о нем у государя. Грустно было нам всем разочароваться на счет этого даровитого писателя и отлично острого человека, который, вскоре после приезда Паскевича в Грузию, сказал мне и Шимановскому следующие слова: "Как вы хотите, чтоб этот дурак, которого я коротко знаю, торжествовал бы над одним из умнейших и благонамереннейших людей в России; верьте, что наш его проведет, и Паскевич, приехавший еще впопыхах, уедет отсюда со срамом". Вскоре после того он говорил многим из нас: "Паскевич несносный дурак, одаренный лишь хитростью, свойственно хохлам; он не имеет ни сведений, ни сочувствия ко всему прекрасному и возвышенному, но вследствие успехов, на которые он не имел никакого права рассчитывать, будучи обязан ими превосходным ермоловским войскам и искусным и отважным Вельяминову и Мадатову, он скоро лишится и